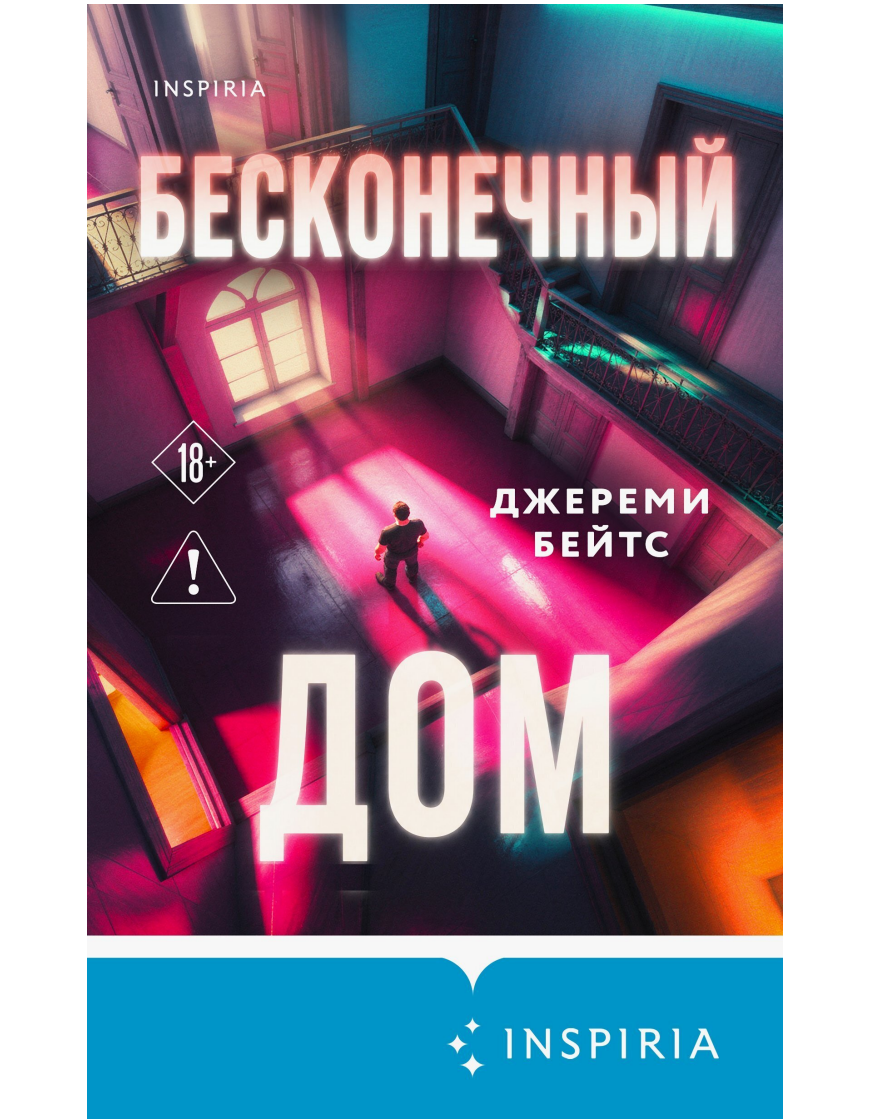

INSPIRIA

БЕСКОНЕЧНЫЙ

18+

ДЖЕРЕМИ
БЕЙТС

ДОМ

INSPIRIA

Джереми Бейтс
Бесконечный дом
Серия «Ток. Триллер
за гранью реальности»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74373906
ISBN 978-5-04-252574-2*

Аннотация

Триллер в лучших традициях Стивена Кинга, Алмы Кату и Кристофера Голдена.

Девять комнат. Девять испытаний. Один шанс выбраться живым. Но никто еще не добирался до конца «Бесконечного дома»...

Старинный каменный особняк, расположенный в Готическом квартале Барселоны... Это малоизвестная достопримечательность, предлагающая игрокам девять комнат для квеста, девять головоломок и очень крупный денежный приз для любого, кто доберется до конца. Есть только одна проблема: сделать это не сложно, а очень-очень сложно...

Когда Джо Хэдфилд узнает о «Бесконечном доме» от пары туристов, он удивлен, но не особо заинтересован. Путешествуя по миру, Джо пытается сбежать от собственного кошмара: травмы, полученной после того, как он стал свидетелем ужасной смерти своей жены. Однако в Барселоне Джо встречает прекрасную

незнакомку по имени Хелен, которая убеждает его попробовать пройти испытание «Бесконечного дома» вместе. Джо неохотно соглашается.

Как только они входят в эти стены, Джо начинает понимать соблазнительную силу дома. Тот знает его самые темные секреты, подпитывает его самые жуткие страхи, заставляет его делать то, на что он никогда не решился бы. И нет предела тому, на что Джо готов пойти – чтобы выжить...

«Этот роман напомнит читателям о том, как стучат их зубы». – Kirkus Reviews

«Сочетание Стивена Кинга, Дина Кунца и Клайва Баркера». – Midwest Book Review

«Из этого романа получится отличный киносценарий!» – Suspense Magazine

«Это смесь "Хостела" Эли Рота и "Божественной комедии" Данте, ведущая своих героев – и читателя – через все более странные ситуации до финальной, захватывающей развязки. Это больше, чем просто роман о доме с привидениями; это головоломка, полная нарастающего ужаса. Настоящая находка для читателей, которые любят, чтобы ужас подавался с долей вопроса: "Что, черт возьми, происходит?" Настоятельно рекомендую». – Рональд Малфи

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	39
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Бейтс Джереми

Бесконечный дом

© 2025 by *Jeremy Bates*

© Филонов А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

* * *

*Моим родителям Линде и Джерри и моей жене Элисон –
с любовью*

Глава 1

*Нет конца без начала.
«Книга Девяти»*

Воспоминания – оружие обоюдоострое.

Об усопшей жене Джен у меня есть и прекрасные, и ужасные. Я могу припомнить ее лицо, улыбку и смех, когда захочу, но могу припомнить и несчастье вкупе с ее медленным умиранием – тоже когда захочу. Зачастую я не властен над тем, какие воспоминания – хорошие или плохие – заполняют мое сознание в то или иное утро, день или вечер; они просто приходят незвано-непрощено, и если плохие, так еще и застревают в сознании чересчур уж надолго.

Я начал думать о Джен тем вечером, потому что знал, в каком восторге она была бы от Барселоны. Ей нравились города, наделенные характером и очарованием, а в Барселоне таковых больше чем достаточно на каждом ландшафтном бульваре и в каждом кривоколенном переулке.

Джен настаивала бы на посещении каждого встречного магазинчика с богемными безделушками. Она отыскиала бы для нас какое-нибудь укромное кафе, где мы могли бы насладиться бутылочкой вина и вкусить паэлью с морепродуктами и другие местные блюда. Она заставила бы меня сфотографировать ее в компании каждого костюмированного уличного ак-

тера на всем протяжении Лас-Рамблас. Дьявол, да она, наверное, убедила бы меня отправиться на одну из этих автобусных экскурсий по городу, а в автобусе настояла бы, чтобы мы сели спереди на верхней открытой площадке, где нам открывался бы прекрасный обзор во все стороны.

Мало-помалу эти раздумья обратились к несчастному случаю, оборвавшему ее жизнь три года назад. Она выполняла свой последний часовой учебный полет с инструктором на «Сессне-172». А после приземления попыталась обойти самолет, чтобы поблагодарить инструктора – и напоролась прямоком на еще вращавшийся пропеллер. Тот отсек ей половину лица, изрядную часть плеча и отрубил левую руку ниже локтя. Врачи «Скорой» как-то ухитрилась довести ее до больницы штата Аризона живой, однако травмы оказались настолько серьезными, что реаниматологи погрузили ее в лекарственную кому – да только не временно. Полученная мозговая травма означала, что она должна была до самой смерти пребывать в вегетативном состоянии и дышать без аппарата искусственной вентиляции легких попросту не могла.

Невролог отключил аппаратуру жизнеобеспечения через трое суток после поступления Джен в больницу.

Напороться на крутящийся пропеллер – ужасный способ умереть, но, что хуже, еще ужасно *глупый*. Я понимаю, что не должен злиться на Джен, но ничего поделать с собой не могу. А еще я злюсь на себя за то, что купил ей учебный курс «Научись лететь самостоятельно». У нее было две мечты, о

которых она только и говорила с той поры, как мы познакомились с ней в День святого Валентина в 2014 году: получить лицензию пилота, чтобы слетать во все пятьдесят штатов, и подписать контракт с лейблом.

Хоть она и была талантливой певицей и автором песен, ей так и не удалось отыскать столь же талантливую группу (по моему мнению), и контракт с лейблом она так и не заключила. Так что на Рождество я купил ей пятнадцатичасовой учебный курс пилотажа.

Но больше всего я злился на инструктора за то, что тот взял ее на этот последний урок после наступления сумерек. Запланируй она его при свете дня, как все предыдущие, увидела бы пропеллер и не напоролась бы на него, и *не умерла бы*.

Наверное, я был так же зол почти на всех и вся, когда думал о Джен, о том, как хорошо нам было вместе, о совместном будущем, которое у нас могло бы быть. Ее смерть казалась такой бессмысленной и несправедливой...

Я поднес к губам бутылку пива, которую переключал из руки в руку, наблюдая за тем, что творится на улице. Толпы посетителей кофеен и празднующихся зевак сменились прохожими, выглядевшими весьма целеустремленными. На смену шортам и футболкам пришли брюки, рубашки-поло и легкие платья. Шлепанцы и кроссовки сменились кожаными туфлями и шпильками. Даже дюжина или около того двадцати-с-чем-то-леток, сгрудившихся на тротуаре перед хо-

стелом (несомненно, ради рейда по забегаловкам, ведущего прямо в отключку), были одеты не без щегольства. Я даже подивился, что они уделили драгоценное пространство в рюкзаках множеству пар обуви и изысканным клубным нарядам.

Предметы же, курсирующие из моего рюкзака (куда более миниатюрного, чем бросающие вызов гравитации «Маунтин Ко-оп» на плечах молокососов, рыскающих по Европе) и обратно, наоборот, сводятся к зубной щетке и зубной пасте, дезодоранту, трем футболкам, трем парам шорт, трем парам семейных трусов, трем парам носков, путевому журналу, «Киндлу», аптечке первой помощи и моему телефону с зарядкой.

Для прохладных вечеров вроде сегодняшнего предусмотрено также то, что было надето на мне тогда, — джинсы и белая рубашка с длинным рукавом. Еще у меня есть легкая палатка и спальник, приложенные к рюкзаку снизу, но без них никак, потому что я не скачу по автобусам и поездам: я всюду хожу пешком и чаще всего целыми днями обхожусь без пристойной постели и крыши над головой.

Через два месяца после похорон Джен я решил обойти планету на своих двоих. Ровно столько времени мне потребовалось, чтобы осознать, что являться в офис агентства недвижимости что ни день и делать вид, будто все в порядке, я больше не в силах. Еще месяц у меня ушел на прокладку маршрута, ведущего меня через каждый континент с воз-

можным минимумом бюрократической волокиты, ассигнование средств на поддержание моего существования в течение нескольких лет и все такое... а еще чтобы привести башку в порядок. В конце концов, я же не на воскресную прогулку наладился.

В путешествие я отправился воскресным утром из своего дома в Грин-Вэлли, штат Аризона, и весь следующий год шагал на юг в Панаму. Там по воздуху миновал Дарьенский пробел (опасный участок джунглей, где меня наверняка ограбят, если вообще не убьют, уверенно поведали мне, если только я попытаюсь преодолеть его пешком), а еще год топал от Боготы в Колумбии до Монтевидео в Уругвае. В начале лета поймал самолет до аргентинской базы Марамбио в Антарктиде и дошел до базы Эсперанса – круглогодичного гражданского поселка, где расстарался получить бумаги, нужные для поездки в Европу. В сентябре высадился в Шотландии, откуда и направил свои стопы на юг, в Испанию. В Барселоне я провел уже неделю, и дальше намеревался переправиться в Северную Африку, пройти через Марокко, Алжир и Тунис, потом свернуть обратно на север через Восточную Европу. Со временем доберусь до Западной и Центральной Азии. Оттуда самолетом махну в Австралию, а уж потом – наконец – обратно в США.

Да, бывали дни, когда ступни у меня ныли, а в иные ночи колени ныли еще сильнее. Да, угодив под тропический ливень, я гадал, какого черта тут делаю. И да, меня охватывает

ностальгия при мысли о родных и друзьях, оставшихся так далеко. Но в то же время я еще никогда не был настолько подтянутым и здоровым, как сейчас, никогда не чувствовал себя настолько свободным. Посетить Перу или Францию и прохладиться у бассейна в «Хаятте» – совсем не то же, что шагать по чужой стране от села к селу, от города к городу, видя, как живет местное население, вникая в мир за пределами *моего мира*, свершая то, что совершила и еще совершит всего лишь горстка людей.

Уж как-нибудь перетерплю боль в ногах, бактериальную инфекцию-другую, солнечные ожоги, дождь, да и все прочее, что будет угодно природе подкинуть мне по пути. Теперь уж придется. Я зашел настолько далеко, что трубить отбой больше не вариант.

Последние два дня я провел в заведении под названием «Хостел „Ола“». Как и большинство европейских хостелов, он опрятный и предлагает дерьмовый, но бесплатный континентальный завтрак. Кроме того, у него в вестибюле есть бар, открывающийся в семь вечера и продающий дешевое пиво. Сейчас я прикладывался уже ко второй – и, скорее всего, на сегодня последней – бутылке «Хугардена».

Число двадцати-с-чем-то-леток на тротуаре множилось, отчего те становились шумнее и необузданнее. Парни давали пять, хлопали друг друга по плечам и глушили пиво, старясь перешутить один другого (некоторые из их реплик были настолько эпатажны, что были даже смешны). Девушки

сплетничали о друзьях, подругах и недругах и вообще обо всех, кого не было в пределах слышимости.

Мне уже стукнуло сорок четыре – вероятно, вдвое больше, чем большинству из них, и хотя сорок четыре еще не старость, в тот момент я чувствовал себя слишком старым. Уж так на меня действуют хостелы. Потому что, не считая изредка подворачивающихся босоногих хиппи, обычно я был в каждом хостеле самым старым. Порой мне попадалась заселяющаяся или выписывающаяся парочка возрастом за пятьдесят или тридцати-сорокалетки, страдающие от юношеского зуда дальних странствий на поздних этапах биографии. Но большинство, притом подавляющее, составляет молодежь, едва-едва перевалившая за двадцать, свежеиспеченные выпускники, не желающие расставаться с разгульной жизнью последних трех-четырёх лет.

Вот потому-то меня и заинтриговала женщина с оранжевыми волосами, сидевшая за соседним столиком.

Она находилась там с тех самых пор, как я сел полчаса назад. Перед ней на столе стоял лэптоп рядом с бокалом вроде бы «Май Тая»¹. По-моему, она была чуть моложе меня – скажем, лет сорока.

Не считая бросающейся в глаза прически, в остальном в хостеле она смотрелась совершенно неуместно. Чересчур изысканные блузка цвета шампанского и черные элегантные

¹ «Май Тай» – коктейль, где смешаны ром, апельсиновый ликер (как правило, цветной типа кюрасао), миндальный сироп и сок лайма. – *Прим. ред.*

брюки. Дорогие украшения. А лэптоп – «Макбук Про» последней модели.

Подняв голову от экрана, она перехватила мой изучающий взгляд. Я отвел глаза и отхлебнул пива. Двадцати-с-чем-то-летки наконец тронулись, чтобы начать свой вечер. Любопытно, сколько из них дотянут обратно в хостел до рассвета и не придется ли принимать душ завтра утром в заблеванной кабинке.

Я снова отхлебнул пива, по-прежнему ощущая на себя взгляд дамы с оранжевыми волосами и не сомневаясь, что заблуждаюсь. Наверное, она смотрит мимо. Однако любопытство взяло верх, и я зыркнул на нее.

Она и в самом деле открыто тарасилась на меня.

Не зная, как быть, я снова отвел глаза, чувствуя, что краснею... а когда это со мной было *такое* в последний раз?

Я снова хлебнул пива и обнаружил, что бутылка пуста. Мгновение поколебавшись, я встал, не глядя на женщину, прошел мимо бара в вестибюль и нажал на кнопку лифта. И в последний момент обернулся.

Она все еще взирала на меня... но теперь улыбаясь до ушей.

Румянец у меня на щеках дошел до отметки «десять», и я наконец распознал чувство, которое испытывал, – робость.

Лифт пропищал, распахивая двери, а я подумал: «Хрен с ним». Направившись к бару, купил еще «Хугарден» у немецкого паренька за стойкой и вернулся в патио. Остановившись

у стола дамы с оранжевыми волосами, осведомился:

– Вы не против, если я присяду?

– Милости прошу, – ответила она.

Глава 2

Сны выплывают на подмостках только тогда, когда никто из бодрствующих не может подглядеть.

«Книга Девяти»

Теперь, выиграв поединок характеров – или что там это было, черт возьми – и заставив меня подсесть, она завязала со своим безумным джедайским взором, снова переключив внимание на лэптоп. Пару раз щелкнула мышкой и закрыла экран. Обхватила губами соломинку, торчавшую из «Май Тая», и потянула так, что на щеках образовались ямочки. И тогда поинтересовалась:

– Вы всегда такой дерзкий?

– Это я дерзкий? – рассмеявшись, отозвался я.

– Подошли к столику незнакомой женщины и попросили разрешения присоединиться... На мой взгляд, весьма дерзко.

– Я... – Тряхнув головой, я отхлебнул пива. Она прекрасно знала, почему я подошел. – Я Джо.

– Вы похожи на Джо.

– А как выглядят Джо?

– Как вы.

Я сжал зубы, не понимая, что происходит. Я-то думал, джедайский взгляд – просто завлекаловка, и хотя отнюдь не

жаждал отношений – не то что длительных, но даже на одну ночь, – провести вечер в компании привлекательной женщины был ничуть не против, даже если мы просто поболтаем.

Странствовать по планете в своей собственной компании бывает грустно. Но сейчас... ну я не был уверен, что не стал объектом какого-то тупого розыгрыша. И решил действовать без обиняков.

– Мы раньше не встречались?

– О-ой, я думала, у вас заготовлена реплика получше.

– Я в смысле, вы меня знаете?

На задворках моего сознания мало-помалу складывалась идея: она откуда-то прознала, что я затеял пешую кругосветку. Когда люди узнают об этом, они начинают вести себя странновато. В Чили один жених пригласил меня на местную свадьбу, где гости одарили меня таким вниманием, что мое присутствие затмило новобрачных, и я ретировался, не дожидаясь, когда порежут торт.

– Теперь знаю, – заявила она.

– А вас как зовут? – поинтересовался я.

– Хелен.

– Вы не похожи на Хелен.

– Вы знаете много Хелен?

– Нет.

– Тогда откуда вы знаете, что я не похожа на Хелен?

– Я имел в виду, в культуре.

– Я заинтригована. И на какую же из них в культуре я по-

хожа меньше всего?

Я не тугодум, но в тот момент мне приходилось шевелить извилинами изо всех сил, только бы поспевать за ее вопросами, бьющими не в бровь, а в глаз.

– На Елену Троянскую.

Карие глаза моей визави блеснули.

– Туше, Джо. Я *не похожа* на прекраснейшую из женщин всех времен и народов. Не знаю, намеренно ли вы меня унижаете или просто сморозили не подумав.

Черт, да я и сам не знал, но скорее второе, чем первое.

– И более того, – с прежней улыбкой продолжила она, – я не думаю, что Елена Троянская была чернокожей.

– Может, начнем заново? – предложил я.

– Само собой. – Она протянула руку с болтающимся на запястье серебряным браслетом от «Гуччи» в виде спаренной буквы G. – Я Хелен.

Я принял протянутую руку.

– А я Джо.

– Вы похожи на Джо.

– Вы похожи на Хелен.

– Какую-то конкретную? – Она снова блеснула глазами.

– Елену Троянскую.

Запрокинув голову, она рассмеялась неожиданно мелодично и по-девичьи звонко. Тогда-то я и решил посидеть, пока не допью пиво.

Кончилось тем, что я засиделся куда дольше. На четыре бутылки пива, если точнее, и когда посмотрел на часы, с удивлением обнаружил, что уже почти полночь, а мы с ней как-то незаметно перешли на «ты».

– Летит время, – заметил я, подумав, что не засиживался настолько поздно уже не один месяц.

– Когда тебе весело... – отозвалась Хелен. Она не отставала от моих четырех бутылок, уравнивая счет четырьмя «Май Таями», но если и захмелела, то по ней было не сказать.

– Если честно... – начал я.

– Я люблю честность, – заявила она.

– Когда я только присел, я не знал, что о тебе и думать.

– Да?

– Ты внушала мне робость.

– Да не миндальничай.

– Ты как-то уж слишком напирала.

– Да скажи напрямую.

– Что сказать?

– Что подумал, что я стерва.

– Я так не думал.

Она стрельнула на меня глазами, будто знала, что я думал на самом деле, и только ждала, чтобы я это сказал.

– Ладно, – сдался я. – Может, у меня и промелькнула такая

мысль.

– Ты *думал*, что я стерва! – Она хлопнула ладонью по столу.

– Я не знал, что думать. Чего мне только в голову не приходило...

– Я лишь поддразнивала тебя, Джо. Я знаю, какой могу быть. Я ведь живу в своей компании каждый день, а? Я не хотела вести себя как стерва. – Она пожала плечами. – *Не хотела*. Но когда я нервничаю, оно выходит как-то само собой.

– Ты нервничала?.. – удивился я.

Она снова пожала плечами, сопроводив изящный жест самоуничижительной усмешкой.

– Чутьочку.

– Мне ты со своими джедайскими гляделками показалась весьма самоуверенной.

– Джедайские гляделки?! Дальше ты заявишь, что я похожа на Йоду?

– На Йоду пополам с Еленой Троянской.

– Это уж чуть получше – вижу... Боже, не знаю. Под градусом я тупею.

– Ты не похожа на пьяную.

– Я умею шифроваться.

Вот так она открывалась мало-помалу последние два часа, и это было обаятельно... настолько обаятельно, что даже пугало.

Я глянул на свою бутылку – она оказалась пуста. Снова

бросил взгляд на часы. Пять минут первого.

– Тебе надо куда-то успеть? – любопытствовала она.

– Я бы сказал, пора закругляться.

Удивление, промелькнувшее в ее взгляде, погасло в мгновение ока.

– Я... э-э, провожу тебя до лифта, – сказал я. – На какой тебе этаж?

Мы оба встали.

– Я остановилась не здесь, – сообщила Хелен. – Я в отеле дальше по дороге.

Настала моя очередь выказать изумление.

– А в тамошнем баре «Май Тай» разве не делают?

– Я шла мимо. Патио выглядел соблазнительно, а молодежь в нем тогда еще не толпился.

Я насупился, вдруг застыдившись того, что остановился в хостеле. Если б Хелен тоже остановилась в хостеле, все выглядело бы иначе. Но она этого не сделала, а я ни разу не упомянул о кругосветке пешком, и это автоматически перевело меня в разряд лоха средних лет, которому приличная гостиница не по карману.

Особую иронию ситуации придавало то, что в прошлой жизни я был гордым обладателем гардероба, полного костюмов, сшитых на заказ, водил «БМВ», а денег в банке у меня хватало, чтобы поигрывать на фондовой бирже, не беспокоясь, насколько удачны мои дилетантские поползновения.

Я нарочито покашлял.

– Ладно... э...

– Можешь проводить меня до лифта в моем отеле, если хочешь.

– Я... не могу, – помявшись, заявил я.

– Не можешь?

– Тут все не так просто.

– Не так просто. Само собой. – Хелен потупила взор. Возможно, устремив его на мой безымянный палец... на котором не было кольца. Я не рекламировал тот факт, что я холост. В странствие я пустился отчасти затем, чтобы начать новую жизнь, а видя кольцо каждый день, сделать это было бы крайне затруднительно.

Когда взгляд Хелен снова встретился с моим, он ровным счетом ничего не выражал. Будто мы чужие.

– Спокойной ночи, Джо. Наслаждайся пребыванием в Барселоне.

– Спокойной ночи, Хелен, – ответил я и проводил ее взглядом.

* * *

Ничуть не удивительно, что в ту ночь мне снилась Джен.

Мы с Хелен находились в патио хостела «Ола», как раньше в тот вечер. Заметив, что кто-то наблюдает за нами с той стороны улицы, Хелен потребовала, чтобы я выяснил, кто это, и я неохотно подчинился.

Неизвестный был облачен в рясу на манер монашеской, скрывавшую его с головы до ног. Подойдя, я спросил, кто он такой и что ему надо. Ни звука в ответ. Я остановился прямо перед ним. Почему-то разглядеть что-либо под капюшоном было невозможно – лишь бездонный мрак вместо лица. Сдернув капюшон, я обнаружил, что на меня в упор смотрит Джен.

В тот момент собственное сердце показалось мне пичужкой, спорхнувшей вниз по горлу и скончавшейся в груди, потому что у Джен недоставало части лица, отрубленной пропеллером, то есть почти всего рта и части челюсти – потому-то она мне и не отвечала. Однако узнала меня. Я прочел это по глазам вкупе с безмерным ужасом, словно она снова оказалась на бетонной полосе в Аризоне, понимая, что вот-вот наткнется на пропеллер, но не в силах ничего с этим поделать.

Ее облик ужаснул меня, но в то же время я обрадовался, что она жива, и хотел обнять ее.

И теперь, пробудившись на комковатом матрасе хостела и вспоминая сон, я понял, что на самом деле так и не обнял Джен потому, что знал, что под монашеской рясой у нее недоставало изрядной части левого плеча и предплечья, что свежие, надрывно саднящие раны еще не перевязаны, и любые объятия исторгнут из нее крик боли.

Пара двадцати-с-чем-то-леток, делившие комнатенку со мной, трепались во тьме. Наверное, их голоса и разбудили

меня.

– Он был вдребадан, братан, – сказал один с новозеландским акцентом. – Все это туфта.

– Но *пять штук*, – с претензией на шепот отозвался его приятель. – За какой-то там интернет-челлендж...

– Он не сказал, что это был интернет-челлендж.

– Какого еще хрена кому-то так башлять? Небось у них лям подписчиков. Они огребут бабла покруче, чем пять штук, засняв и запостив, как все мы там сдрейфили и обделались.

– Сдрейфили? Да это ж гребаный заколдованный дом с привидениями, бро.

– Именно, брателло. Проще простого. Так что давай провернем это.

– Мы завтра едем в Мадрид.

– Да ну. Отложим на денек.

– Не-а, братан. Стремно это. Не стану время терять.

– Он сказал, что напротив музея Пикассо. Рядом с тапас²-баром, где мы подцепили этих швейцарочек.

– И что?

– А то, что недалеко оттуда мы словим автобус до Мадрида. Так что наведемся в дом – и если там стремно, сядем на автобус.

Другой лишь хмыкнул.

– Але, гараж!

² Тапас – испанские закуски к легкому алкоголю.– Прим. ред.

Ни слова.

– Братан!

Ни звука.

– Братан!

И наконец молчание.

Я попытался снова уснуть.

* * *

Второй раз за ночь меня разбудила беседа иного рода. На сей раз говорил парень, пытавшийся залезть в девичьи трусики – в буквальном смысле. Оба лежали на койке над моей. Когда я ложился, их там не было; должно быть, заявилились среди ночи. Эти разговаривали тихо, куда тише, чем двое киви³, и я бы вряд ли их услышал, если б разговор проходил не прямо надо мной.

– Давай, – сказал парень.

– Нет... – возразила девушка.

– Ну давай.

Чутьочку страдальчески:

– Перестань!

– Ну давай!

– Я сниму топик, и все.

– Ну давай!

³ Киви – прозвище новозеландцев, поскольку только на их острове водятся эти птицы. – *Прим. ред.*

– Прекрати!

– Я ничего не делаю.

– *Туда* не лезь.

– Да брось...

– Эй, пацан, – громко и ясно сказал я, и надо мной послышался шорох, словно оба вдруг напряженно выпрямились. – Она сказала «нет». Понял?

После этого я почти ничего не слышал, не считая того, что в какой-то момент кто-то спустился по лесенке у моего изножья, а затем дверь комнаты открылась и закрылась... хотя к тому времени я уже погрузился в полудрему и снова видел сон.

Глава 3

*Душа пылает ярко, но две пылают ярче.
«Книга Девяти»*

К счастью, утром в душевой кабинке никакая блевотина меня не подстерегала. Я не пожалел ни мыла, ни шампуня – когда не можешь пользоваться ими каждый день, подобные вещи становятся роскошью – и тщательно вытерся, стараясь высушить свои каштановые волосы как можно лучше. Вернувшись в номер, натянул черные джинсы, надел рубашку с длинными рукавами и легкую куртку. Достав из заднего кармана рюкзака оранжевый аптечный пузырек, нахмурился, увидев, что он пуст. Я собирался навестить аптеку и взять прописанное лекарство, но так и не удосужился. Рецепт выписал врач еще в Штатах, и пока я без проблем предъявлял его во всех странах, встретившихся на моем пути.

Я извлек из рюкзака потрепанный листочек, испещренный докторскими каракулями, сунул его в карман вместе с аптечным пузырьком и спустился по лестнице, чтобы подзаправиться континентальным завтраком⁴. Поджарил и намазал маслом два тоста из белого хлеба, но не удостоил внима-

⁴ Континентальный завтрак – легкий завтрак с фруктами и без горячих мясных блюд. – Прим. ред.

нием электрический чайник, банку растворимого кофе и баночку сухого молока. Спал я из рук вон плохо – и чувствовал, что двойной эспрессо мог бы поставить меня на ноги.

Ступив через порог стеклянных дверей в патио, я просто глаза вытаращил. Хелен – фамилию-то я не знаю, вдруг сообразил я – сидела за тем же столиком, что и вчера вечером, читая новостной сайт на лэптопе. Бросив на меня взгляд, она улыбнулась и сказала:

– О, привет, Джо! – И как ни в чем не бывало переключила внимание на свой лэптоп.

В голове у меня пронеслась добрая дюжина вопросов. Один из них я огласил:

– Ты же не провела здесь всю ночь, а?

– Что? Что за глупости! Только-только пришла.

Вопрос и вправду глупый. Одевалась она куда менее претенциозно, чем вчера, – в облегающие линялые джинсы и мягкий свитерок.

– Что ты делаешь?... – осведомился я.

– Читаю новости.

– Я имел в виду – *здесь*?

Хелен взяла бумажный стаканчик – предположительно наполненный кофе, белый, ничем не отличающийся от стопки других, стоящей в хостеле рядом с электрочайником.

– Вчера вечером я заметила, что завтрак здесь дают с шести. Встала рано, рядом с моим отелем все было закрыто, так что заглянула на кофеек сюда.

– А у тебя в номере кофе не было?

– Я выпила его перед сном, чтобы протрезветь.

Я недоверчиво сдвинул брови. Не лишено смысла... наверное. А какое еще объяснение тут годится? Что Хелен явилась специально ради меня?

– Я собираюсь поискать «Старбакс» или «Косту». Не хочешь присоединиться?

– Боже, да! – Она захлопнула лэптоп. – Хостельный кофе надо судить за преступления против человечества.

* * *

Пройдя на восток к Пасео Сан-Хуан, мы свернули по нему на юг и шли через район Грасия, пока не нашли «Старбакс» близ Каса-Мила – волнистого каменного здания, спроектированного Гауди. Хелен заказала капучино и маффин с голубикой. Я заказал латте.

Когда она хотела заплатить за мой кофе, я заявил:

– По-моему, это я должен платить.

– Не будь таким старомодным.

Я отыскал для нас угловой столик – в заведении было не слишком оживленно, ведь едва пробило четверть восьмого – и достал красный путевой журнал, который начал вести через пару месяцев после ухода из Аризоны. Он и позволял мне себя занять, когда я не шагал, и в то же время служил своеобразной терапией.

Когда Хелен подошла ко мне с напитками, я взял латте со словами:

– Спасибо, Хильда, – потому что именно это имя выкрикнула бариста.

– Как это Хелен превратилась в Хильду? – Хелен закатила глаза.

– Тут так написано. – Я указал на имя, нацарапанное на моей чашке, как курица лапой.

– Я этого не писала. Это она. У тебя есть дневник?

– Это не дневник. Это путевой журнал.

– Как по мне, так без разницы.

– Дневнички ведут маленькие девочки.

– А большие серьезные мужчины ведут журналы? О чем ты пишешь?

– Это личное, – отрезал я.

– Обо мне? – любопытствовала она.

– Писал ли я о тебе? Нет.

– Спорим, писал.

– Ладно, писал. – Открыв журнал где попало, я сделал вид, что читаю: – «Сегодня я пошел в „Старбакс“ с довольно симпатичной женщиной».

– *Очень* симпатичной.

– «Сейчас она у стойки расплачивается за наш кофе. У нее такие оранжевые волосы, что мимо не пройдешь».

– Джо!

– «Ни разу не видел ничего подобного. Прямо как будто у

нее на плечах радиоактивная тыква...»

– Ладно, пускай, – уступила она. – Ты донес свою мысль.

– И какую же?

– Что твой дневник сугубо личный. Что ты пишешь – не мое дело. – Она оглядела кафе. – Ты и правда хочешь торчать здесь? Пойдем пройдемся. Там такое чудесное утро!

– Я бы предпочел немножко посидеть. Находился уже досыта.

Так что мы сидели, болтая и потягивая кофе. Беседа текла легко, весело, беззаботно. Если вчера вечером Хелен и казалось, что я ее продинамил, то она уже выбросила это из головы. В какой-то момент достала из сумочки оранжевый пузырек – точь-в-точь как мой. Отвернув крышку, вытряхнула на ладонь две пилюли – круглую голубую таблетку и розовую капсулу чуть побольше. Бросив капсулу обратно, предложила:

– Хочешь?

Это меня заинтересовало.

– Ты что, наркодилер?

– Угум. – Она сунула голубую таблетку в рот.

– «Ксанакс»? – полюбопытствовал я.

– У меня сильное тревожное расстройство, – кивнула она. – Так хочешь или нет?

Я отрицательно помотал головой.

– А что в розовых?

– А ты не чересчур любопытен? Хочешь, чтобы дальше я

перечислила тебе содержимое своей аптечки?

– Извини, – буркнул я, застыдившись своей настырности.

– Да шучу я, Джо! Мне плевать, сочтешь ли ты меня долбанутой на всю голову.

Я не ответил, посчитав, что она подначивает меня; похоже, ей нравится ставить людей в неловкое положение.

– Розовые против моего аффективного расстройства, – пояснила она.

– А...

– Хочешь знать, какого рода у меня аффективное расстройство?

– Не-а.

– Если б ты мне сказал, что у тебя аффективное расстройство, я бы хотела разузнать о нем побольше.

– Ну я не ты и не хочу знать побольше о твоём. Но я и сам так делаю.

– А как я делаю? – Она рассмеялась. – Хочешь сказать, у тебя аффективные расстройства?

– Держу разные пилюли в одном флаконе.

Похоже, это ее удивило.

– Ты тоже сидишь на колесах?

– Да не то чтобы...

– «Да не то чтобы»?

– У меня есть рецепт. Но я сейчас потихоньку слезаю. После... – Я чуть было не сказал «после смерти жены», но вовремя прикусил язык. – После того как в моей жизни кое-

что стряслось, врач прописал мне бензодиазепин.

– И?..

– И?..

– Что еще тебе врач прописал? Ты сказал, что держишь разные пилюли в одном флаконе – значит, их несколько видов.

– И кто теперь в чьей аптечке копается?

– Ты не обязан отчитываться...

Мгновение помолчав, я выложил:

– «Золофт».

– У тебя депрессия? – вскинула брови Хелен.

– То есть, то нет. – Я пожал плечами.

– Но ты его больше не принимаешь – то бишь регулярно, во всяком случае?

– Мне не нравится, как он на меня действует. Он меня меняет...

– Понимаю, о чем ты, – кивнула Хелен. – Хотелось бы и мне вот запросто высыпать свои лекарства в унитаз и больше их не принимать. Но вряд ли мне это удастся хоть когда-нибудь, потому что меня они тоже меняют. Правда, к лучшему... – Сунув пузырек обратно в сумочку, она поглядела на меня с кривой усмешкой. – Боже, Джо, дичь какая!

– Что именно?

Поерзав на стуле, Хелен закинула под столом ногу на ногу.

– Раскрываться подобным образом. Обычно с посторонними я не откровенничаю.

– Я все еще посторонний, не так ли?

– Мы познакомились только вчера вечером.

– Пожалуй, ты права, – сказал я, про себя подумав, что вряд ли она такая уж замкнутая особа, какой пытается себя выставить. Как ни крути, решительно приняла таблетку из пузырька прямо у меня на глазах...

– Но ты *хороший* чужак, – уточнила она.

– Спасибо, Хелен. – Мне хотелось сменить тему. – Как бы там ни было... о чем мы говорили?

– Понятия не имею. Ой, какой сухой маффин! Вот, попробуй. – Она пододвинула ко мне свой маффин с голубикой.

– Нет, спасибо. – И тут я вспомнил: – Киви вчера ночью.

– Те двое, что тебя разбудили?

Я дорассказал Хелен об их беседе, а затем поведал о парне, пытавшемся залезть в девичьи трусики, а она сказала, что я должен был съездить ему по морде, но, судя по всему, киви заинтересовали ее куда больше.

– Пойдем! – сказала Хелен.

– Куда? – спросил я.

– В заколдованный дом. Музей Пикассо всего в паре кварталов отсюда.

– Я не настолько нуждаюсь в деньгах.

– Да просто постучимся в дверь, чтобы проверить.

– Нет, спасибо.

– Почему же нет?

– Не хочу.

– И только-то? Других оснований нет?

– А ты знаешь, что значит «вдребадан»? Так киви описывали парня, рассказавшего им о доме. *Вдребадан*. Иначе говоря, в полной отключке. Этого дома не существует, Хелен. А если и существует, то, скорее всего, это какой-нибудь приют наркоманов. Меня бы не удивило, если б мужик рыскал по хостелам, стараясь заманить празднующихся туристов в этот дом, чтобы ограбить их вместе со своими друзьями ради следующей дозы.

– Ты кажешься напуганным, – заметила она.

– А ты кажешься наивной, – парировал я.

– Будет весело. Чем ты собирался заняться сегодня?

– Отдыхом.

– Отдыхом?! Ты же не старик. – Она внимательно посмотрела на меня. – Вчера вечером ты так и не сказал, зачем нагрянул в Барселону.

– Да и ты мне не говорила, зачем нагрянула в Барселону.

– А ты не спрашивал. Меня сюда перебросил ЮНИСЕФ в прошлом месяце. Я специалист по образованию.

Я приподнял брови. Встречаться с сотрудниками ЮНИСЕФ мне еще не доводилось, и почему-то это произвело на меня впечатление.

– Тебя много перебрасывают с места на место?

– Последние два года я провела в Ливии. А перед этим в Турции. Но, не считая этих назначений, всегда обреталась в Чикаго, где прошли мои детство и юность. Твоя очередь.

– Я занимался недвижимостью.

– В прошлом времени?

– Уволился.

– Чтобы путешествовать по миру?

– Что-то вроде того.

– Да перестань темнить, Джо! Я будто с Гарри Гудини говорю.

Я отхлебнул своего латте. Неужто я темню? Вот уж не ду- мал... Я вообще не люблю говорить о себе, и на мои круго- светные похождения это тоже распространяется. Когда я в дороге – дело другое. Когда люди видят мой рюкзак, палат- ку и спальный мешок, они интересуются, куда я направля- юсь, а я им говорю, они ободряют меня парой слов, и на этом все. Но, зависнув в хостеле большого города на пару дней, я предпочитаю держаться в тени, сохраняя анонимность. Это не значит, что если кто-то в хостеле спросит, что я делаю, то я не отвечу. Отвечу, как бывало уже не раз и не два. С Хелен же, пожалуй, закавыка состояла в том, что, спроси она ме- ня про Барселону с ходу, ничего такого не было бы. Но я-то болтал с ней не один час, а теперь зависал второй раз всего за два дня, и тот факт, что я ни разу не упомянул о своей пешей кругосветке... ну выложить что-то подобное было бы малость странновато, правда? Будто я пытался сохранить это в тайне или типа того.

Тем не менее продолжать хранить это в тайне было еще страннее, так что я сказал.

– Да неужто, Джо? – Хелен мне явно не поверила. – Прежде всего, это физически невозможно, если только ты не Иисус и не можешь ходить по водам.

– Океаны я перелетаю.

– Надеюсь, ты имеешь в виду – на самолете.

– Слушай, ты спросила, я ответил. Я тронулся из дома в Аризоне больше двух лет назад и пошел на юг в Мексику, а теперь я здесь, в Испании; полпути позади, полпути еще отмахивать.

Хелен продолжала разглядывать меня – правильной будет сказать *разглядывать под лупой* – и глаза ее подозрительно шурились.

– Какого числа ты вышел из дома?

Я пожал плечами.

– В воскресенье в сентябре. Число не помню. Где-то посередине месяца.

– Да неужто можно не помнить такую важную дату?

– Думаю, дату возвращения домой я буду помнить. Она чуточку важнее, тебе не кажется?

– Назови мне все страны, в которых побывал, в порядке их посещения.

– Ты серьезно?

– Если б я сказала, что переплыла Ла-Манш, ты бы мне поверил?

– Если б я был на судне и увидел бы тебя бултыхающейся посреди Ла-Манша, то ага, поверил бы.

– Ты увиливаешь.

– Из Мексики – Гватемала, Сальвадор, Никарагуа, Коста-Рика, Панама. Это только Центральная Америка. Мне продолжать?

– Увиливаешь...

– Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия, Чили, Аргентина, Антарктида – не страна, разумеется, но я намерен отметить-ся на шести материках, – Шотландия, Англия, Бельгия, Люксембург, Франция, а теперь Испания.

– А дальше? – напирала Хелен, хоть и с меньшим апломбом.

– Отсюда сяду на паром до Марокко, оттуда в Алжир, Тунис, Италию, Австрию, Словению, Хорватию, Боснию и Герцеговину, Черногорию, Косово, Албанию, Северную Македонию, Грецию и в твою недавнюю обитель, Турцию. Продолжать?

– Боже мой, Джо... – Она потрянула головой. – Ты *действительно* идешь пешком по планете! Значит, ты знаешь, каким будет мой следующий вопрос, правда?

Я думал, что знаю, и как раз в этом, вероятно, и заключается истинная причина того, что я до сих пор держал ее в неведении. Посторонние обычно не задают вопросы вслед. Посторонние, как правило, не спрашивают, *почему*. Мы же с Хелен, напротив, вчера вечером нашли общий язык очень быстро. Она умна и любознательна. У нее этих «почему» через край. Ее следующий вопрос был попросту неизбежен, да.

– С моей женой случилось несчастье, – выдавил я. – Она скончалась. После этого... – Я сглотнул тугой ком в горле. Три года, а я до сих пор едва могу выдать долбаную фразу. – Я, э... наверное, мне надо было взглянуть на жизнь в другом ракурсе. Я решил, что надо внести в свою жизнь какие-то радикальные перемены.

– О Джо... – Ладонь Хелен накрыла мою, лежавшую на столе. Может, она ощутила, как я дернулся, потому что тут же ее выпустила. А потом выдохнула: – *О!*.. – С восклицательным знаком, и я решил, что до нее вдруг дошло, почему я закончил вчерашний вечер подобным образом.

– Давай все-таки прогуляемся, – сказал я.

Глава 4

*Ее великолепие сияет втуне перед слепцом,
уверенно идущим мимо.
«Книга Девяти»*

Мы шли, беседуя, и нашли урну для наших опустевших кофейных стаканов. Я не выбирал дорогу и даже не думал, куда мы идем. Но, возможно, Хелен все-таки выбирала дорогу, потому что минут через двадцать мы оказались на средневековой улочке перед музеем Пикассо.

Музей разместился в нескольких сообщающихся зданиях, некогда служивших хоромами богатых негоциантов. Сквозь арку в угрюмом каменном фасаде виднелся старинный дворик, обвитый наружной лестницей, ведущей на верхние этажи. Синяя вывеска со стрелкой гласила: Entrades Entradas Tickets⁵.

– Вот так сюрприз! – Я искоса взглянул на Хелен. – И как это нас сюда занесло?

– Я шла за тобой, – заявила она.

– Конечно.

– Честно!

Через дорогу другая арка вела к другим сообщающимся

⁵ Слово «Билеты» на каталанском, испанском и английском языках. – *Здесь и далее: прим. пер., кроме особо обозначенных случаев.*

дворцам, в которых разместился музей мировых культур.

– Не вижу никаких притонов поблизости, – сказал я.

– Улица длинная. Давай поищем.

Я пожал плечами. Почему бы и нет, раз уж пришли?

Каменные здания, выстроившиеся вдоль узкой улочки, больше смахивающей на переулок – Carrer de Montcada⁶, прочел я на каменной табличке, – демонстрировали вперемешку относительно хорошо сохранившиеся образчики романской и ренессансной архитектуры. Помещения на первых этажах занимали разнообразные предприятия – от убогой сувенирной лавчонки и дисконтной аптеки до претенциозных бутиков, выпендренных забегаловок и опрятных кабачков. В конце концов тесная улочка выплеснулась в бульвар пошире.

– Никаких домов с привидениями, – констатировал я.

– Должно быть, прошли мимо, – предположила Хелен.

– Мы не проходили мимо.

– А киви точно говорили, что он на этой улице?

– Названия улицы они не упоминали. Только сказали, что напротив музея Пикассо.

– Так может, мы промахнулись... Эти старые улочки как лабиринт. Давай поищем еще.

– Не-а.

– Не-а? – Она округлила глаза.

– У меня день должен был пройти на расслабоне. Да при-

⁶ Carrer de Montcada (кат.) – улица Монткада.

том я посередине хорошей книги.

– И что?

– А то, что я вполне могу вернуться в хостел.

– Ты можешь оставить меня здесь одну-одинешеньку? – возмутилась Хелен. – Неужели ты меня *покинешь*?

– Ты теперь живешь в Барселоне, Хелен. Не думаю, что я тебя покидаю.

– Мы пришли сюда вместе, Джо. Если ты решишь уйти в одиночку, тогда да, ты очень даже меня покидаешь.

– Я буду безмерно счастлив проводить тебя до хостела. Более того, провожу тебя даже до твоей гостиницы.

Она стиснула зубы, вызвав у меня подозрение, что узнай я ее получше, и выяснится, что нрав у нее малость огнеопасный.

– Почему бы нам не поглядеть напоследок вверх по этой улице? – попытался я умиротворить ее, указав в ту сторону, откуда мы пришли. – Все равно нам надо обратно на север.

* * *

– Должно быть, это он! – взволнованно выдохнула Хелен. Мы стояли перед одной из арок, ведущих к типичному ансамблю дворигов и дворцов.

– А чего в нем особенного? – озадаченно поинтересовался я.

– «Бесконечный дом», – зачитала она, указав на бронзо-

вую табличку, прикрепленную к замковому камню арки. – Только скажи, что это не жутковато.

– Это не жутковато.

– Ну же, Джо... Это на сто процентов проклятый дом. Ты разве не чувствуешь?

– Как мы могли прозевать его в прошлый раз?

– Эту табличку световым табло с бегущим огнем не назовешь. Давай постучимся!

– И что скажем?

– Что слышали, будто они предлагают пять тысяч долларов каждому, кто пройдет их заколдованный дом.

– Я этого не сделаю, Хелен. – Я покачал головой.

– Да не дрейфь!

– Я предпочел бы не становиться интернет-мемом.

– Почему? Потому что ты *знаменит*? Считаешь, это повредит твоей репутации?

– Что ты городишь? – Я насупился.

– Держу пари, ты выкладываешь свой поход в онлайн, и у тебя тысячи фолловеров.

– Гм, нет.

– Так что с того, если мы станем мемом?

– У меня ни малейшего желания делиться своей частной жизнью с чужаками...

– Частной жизнью? Джо, я тебя умоляю! Да просто мы с тобой пройдем через парочку темных комнат, а люди в резиновых масках будут набрасываться на нас из-за пенопла-

стовых могильных плит. Ты слишком заморачиваешься и гиперболизируешь.

– Если хочешь, ступай постучись, и если тебя пригласят войти, я подожду здесь...

Ухватив за руку, Хелен чуть ли не волоком потащила меня в арку.

* * *

Зелень в центральном дворике оказалась ярче и пышнее, чем во всех остальных, встречавшихся нам по пути. Повсюду росли папоротники, цветущие кустарники и раскидистые пальмы. Буйные вьющиеся растения безудержно взбирались не только по колоннам и аркам лестницы, но и по каменным стенам, местами дотягиваясь до карнизов кровли. В центре открытого пространства господствовала скрученная, сучковатая олива чуть ли не старше самого дворца. Сквозь густую листву едва проглядывал ряд утопающих в тени аркад – вероятно, некогда служивших конюшней. С верхних этажей на нас взирали высокие прямоугольные окна с полукруглыми сандриками и неглубокими балкончиками с коваными железными перилами. Темных личностей, зловеще наблюдавших за нами в щелочку между приоткрытыми занавесями, я как-то не заметил.

– Прямо сад Эдемский, – произнесла Хелен с явным бла-

гоговением, будто стояла в неф⁷ намоленной почитаемой церкви.

– Или в немецкой сказке, – возразил я. – А тебе известно, как кончается большинство из них...

Отпустив мою руку, она направилась к лестнице. Я потянулся следом. Наверху мы прошли через галерею со стрельчатыми арками, украшенную вычурными готическими скульптурами. Окончилась она большой дубовой дверью, украшенной монограммой «ДБК», врезанной в овальный медальон. Под ним виднелся обросший патиной дверной молоток. Дверной молоток держала в стиснутых острых зубах голова химеры.

Хелен бросила нерешительный взгляд на меня.

– Валяй, – сказал я. – Это твоё шоу.

– Ты мужчина.

– Не будь такой старомодной.

Закатив глаза из-за насмешки над её недавним сарказмом, она трижды стукнула молотком по бронзовой пластине. Звук оказался не таким низким или громким, как я ожидал.

– Чутко поэнергичней, – посоветовал я.

Хелен не ответила, и я ощутил, что этот дерзкий план наконец-то начал внушать ей отнюдь не безосновательные опасения.

⁷ Неф – сегмент церкви, построенной в виде вытянутого прямоугольника, отделенный от других сегментов столбами, стоящими по одной линии, или продольным рядом колонн. – *Прим. ред.*

– Хочешь, уйдем? – предложил я.

Она еще трижды ударила по пластине, и теперь все прозвучало надлежаше внушительно.

Минуту спустя дверь открылась.

* * *

В проеме двери показалась высокая женщина – старая, но отнюдь не дряхлая. Она стояла, выпрямившись с царственной статью, словно мать заставляла ее в детстве расхаживать со стопкой книг на голове. Малиновое платье обливало ее фигуру, как вторая кожа. Однако определить ее возраст было трудновато, потому что длинные, черные как вороново крыло глянцевые волосы (наверняка парик) и чрезмерное усердие по части грима придавали ей такой вид, словно она пробовалась на роль жуткой мамыши новой версии «Семейки Аддамс». Окинув нас безразличным взглядом, она осведомилась, приподняв одну тонкую, как ниточка, бровь:

– *¿Les puedo ayudar?*⁸

– *Buenos días*, – отозвалась Хелен. – *¿Habla usted Inglés?*⁹

Старуха продолжала молча разглядывать нас несколько неуютных секунд, прежде чем ответить просто:

– Говорю.

– О! Ну какое облегчение. Мой испанский не очень хо-

⁸ Могу я вам чем-то помочь? (исп.)

⁹ Добрый день. Вы говорите по-английски? (исп.)

рош. Я только что перебралась сюда... – Хелен помолчала, словно ожидая ответа, но не дождалась. – Мой друг и я, – продолжала она, – слышали... гм-м, знаете что, вдруг мы не туда зашли?.. Но мы слышали, что тут проводится что-то вроде состязания. Или где-то поблизости? Вроде прохождения заколдованного дома?

Зеленые глаза даже не блеснули.

– Кто вам сказал?

– Гм, ну... двое парней?

Хелен поглядела на меня в поисках помощи. И хотя слушать, как Хелен барахтается – изъясняется практически одними вопросами, – было весьма забавно, я решил, что будет лучше для всех, если мы удалимся как можно быстрее, и сказал:

– Послушайте, я сожалею, что мы вас побеспокоили. Это просто недоразумение, и мы пойдем...

– Кто вам сообщил, что здесь проводится состязание?

Старуха не возвысила голоса, но что-то в нем изменилось – зазвенела сталь, – и хотя чутье подсказывало мне, что надо ретироваться, причем как можно быстрее (уж и не знаю, почему мне казалось, что старуха опасна), пока я от этого воздержался. Лучше я уйду на своих условиях, чем позорно удеру.

Джен вечно твердила мне, что мое упрямство всегда выходит мне боком, и в большинстве случаев оказывалась права.

– Я случайно услышал разговор двух туристов о доме через улицу от музея Пикассо, – сообщил я старухе. – Они упоминали, что тут проводится какой-то конкурс. Сегодня утром мы тут оказались, увидели этот дом и подумали, что это может быть здесь. Повторю, мы сожалеем, что побеспокоили вас. – И, обернувшись к Хелен, добавил: – Нам пора.

– Нет, заходите в дом, – возразила старуха, впервые улыбнувшись, и ее губы разошлись, открыв взору очень белые, но кривые зубы. – Вы нашли дорогу сюда, что удастся немногим. Вы мои гости.

– Значит, здесь все-таки проводятся состязания? – полюбопытствовала Хелен.

– Действительно проводятся, – подтвердила старуха, по-прежнему улыбаясь, и улыбка эта была достаточно любезной, чтобы заставить замолкнуть мой внутренний голос, твердивший, что как раз заходить в «Бесконечный дом» мы должны только в самом крайнем случае.

– И приз есть? – не унималась Хелен.

– Имеется.

– Ха! Я же говорила, Джо.

Она снова ухватила меня за руку, и мы вошли в дом.

Глава 5

*Дом живет и дышит, только если в нем бьется
теплое сердце.
«Книга Девяти»*

Вестибюль «Бесконечного дома» можно было запросто спутать с принадлежащим какому-нибудь замку на территории Версальского дворца. И хотя крашенный кессонный потолок был явно средневековым, остальная часть помещения являла собой роскошную комбинацию различных европейских периодов. Особенное впечатление на меня произвели зеркальные панели с настоящей серебряной амальгамой, которые можно было опустить с помощью рукоятки, чтобы заслонить окна. Я ни разу не видел ничего подобного и подумал, что это креативная замена ставням, особенно с учетом того, что зеркала отражают огоньки свечей в комнату, а свечи тут были повсюду.

Хозяйка проводила нас с Хелен к козетке с шелковой обивкой, а сама уселась в кресло рядом с напольным канделябром и закинула ногу на ногу.

– Я Изабелла Давила-и-Осорио, одиннадцатая маркиза Асторганская, – провозгласила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.